

Михаил Иванович Пыляев

День генералиссимуса Суворова

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Иванович Пыляев

День генералиссимуса Суворова (Старое житье)

«Русский «чудо-богатырь» Суворов остался загадкой для потомства. Быстрый, решительный, предприимчивый не только в военных действиях, но и в своих поступках, разнообразный до бесконечности, как разнообразны были окружавшие его обстоятельства, великий вождь, и в то же время странный старик, который то шалит как ребенок, то обнимает мыслью целый мир, решает в своем уме самые сложные вопросы, касавшиеся счастья миллионов людей, или судьбы государства. Человек, обладавший всеми способами и средствами своему знанию, но не пользуется ими, презирает роскошь, спит на соломе, пьет воду, довольствуется солдатским сухарем, борется с собственными страстями, обуздывает их и остается победителем в этой борьбе, как и в действительной войне. Истинные свои замыслы он всегда прикрывает фарсами и лаконическими остротами...»

М. И. Пыляев
День генералиссимуса
Суворова

Частная жизнь и домашние привычки, странности и пристрастия

Русский «чудо-богатырь» Суворов остался загадкой для потомства. Быстрый, решительный, предприимчивый не только в военных действиях, но и в своих поступках, разнообразный до бесконечности, как разнообразны были окружавшие его обстоятельства, великий вождь, и в то же время странный старик, который то шалит как ребенок, то обнимает мыслью целый мир, решает в своем уме самые сложные вопросы, касавшиеся счастья миллионов людей, или судьбы государства. Человек, обладавший всеми способами и средствами своему знанию, но не пользуется ими, презирает роскошь, спит на соломе, пьет воду, довольствуется солдатским сухарем, борется с собственными страстями, обуздывает их и остается победителем в этой борьбе, как и в действительной войне. Истинные свои замыслы он всегда прикрывает фарсами и лаконическими остротами.

Деяния Суворова принадлежат истории, мы их не коснемся, но возьмем одну его частную жизнь и домашние привычки, которые

почерпнем из рассказов его приближенных и слуг.

Всех его слуг было пятеро; старшим из них был его камердинер, Прохор Дубасов, более известный под именем Прошки. Этот верный слуга фельдмаршала пережил своего барина и умер в 1823 году, восьмидесяти лет. В уважение заслуг его господина, в день открытия памятника Суворова на Царицыном лугу,[1] он был пожалован императором Александром I в классный чин с пенсией в 1200 руб. в год. Помощником этого камердинера, или, как его называли, подкамердинер, был сержант Иван Сергеев; он находился при Суворове шестнадцать лет безотлучно и поступил к нему в 1784 году из Козловского мушкетерского полка; впоследствии он находился при сыне герцога, Аркадии Александровиче, до самой его смерти, постигшей сына в той же реке, которая доставила отцу славное имя «Рымникского». Третьим подкамердинером, или, вернее, денщиком Суворова, был сержант Илья Сидоров, затем прислуживал генералиссимусу еще фельдшер, который по временам пускал ему кровь. В те года кровопускание считалось

единственным средством от многих болезней, и многие прибегали к нему. Пятым приближенным слугою Суворова был повар Матька. Вся эта прислуга спала при спальне Суворова, на первый призыв его являлась к нему.

День Суворова начинался с первыми петухами, в первом часу он приказывал будить себя, но в военное время он пробуждался еще ранее, и даже нередко и в мирное время он делал ученье полкам в ночное время. «Ночной бой, – говаривал Суворов, – выгоден тому, кто отважен и смел, ибо тут число войска не видно и мало значит, да и от стрельбы толку мало. Ночной поход тоже служит в пользу тому, кто любит являться перед неприятелем внезапно». Суворов приказывал себя будить, не слушая никаких его отговорок. «Если не послушаю, тащи меня за ногу!». Спал Суворов на сене, укладенном так высоко, как парадная постель. Над сеном постилалась толстая парусинная простыня, на нее – тонкая полотняная, в головах его – две пуховые подушки, которые всюду за ним возились; третья простыня служила ему вместо одеяла. В холодное

время он сверх простыни накрывался своим синим плащом. Ложился в постель Суворов без рубашки. Встав с постели, не одетый, нагишом, он начинал бегать взад и вперед по спальне, а в лагере по своей палатке; нередко в летнее время он бегал в таком виде в сад, где и маршировал в такт. Это продолжалось с час времени, во время таких эволюции он держал в руках тетрадки и твердил татарские, турецкие и карельские слова и разговоры. Для практики в последнем языке он у себя держал несколько карелов из собственных своих новгородских вотчин. После такого урока он умывался; ему по обыкновению приносили в спальню два ведра самой холодной воды и большой медный таз; в продолжение получаса он выплескивал из ведер воду себе на лицо, говоря, что это помогает глазам. После этого его камердинер должен был оставшуюся воду тихонько лить ему на плечи, так чтобы вода стекала ручейком, катилась по локтям, для чего он и держал локти в таком положении. Мытье оканчивалось во втором часу ночи. Обтирался Суворов перед камином; в это время входил в спальню его повар Мать-

ка с чаем; он только один имел право наливать ему чай и даже в его присутствии кипятить воду. Налив половину чашки, он подавал ему отведывать; если чай был крепок, разбавлял водою. Суворов любил черный чай лучшего качества и еще приказывал его просеивать сквозь сито. Чай он выписывал из Москвы через своего управляющего и при выписке наказывал, чтобы прислать ему «наилучшего, какой только обретаться может... По цене купи, как бы тебе дорог ни показался, выбери его через знатоков, да перешли мне очень сохранно, чтобы постороннего духа он отнюдь не набрался, а соблюдал бы свой дух весьма чистый».

В скоромные дни он пил по три чашки со сливками, без хлеба и без сухарей; в постные дни без сливок и строго соблюдал все посты, не исключая среды и пятницы. А во время Страстной недели Суворов ничего не ел, а только пил один черный чай без хлеба.

При подании чая, требовал белой бумаги для записывания своих уроков и вытверженного им. Суворов не писал чернилами, а всегда тушью. Письма он писал на толстой бума-

ге, иногда на небольших клочках, самым мельчайшим почерком; слог его был краток и мужествен и в выборе выражений так меток, что он никогда написанного не поправлял. Запечатывал он их самым дорогим сургучом и огромной печатью со знаменами, пушками и саблями с надписью «Virtute et ventate», т. е. «Доблесть и верность» – девиз Суворова.

После чая он спрашивал повара, что он будет готовить и что будет у него для гостей. Повар отвечал, что будет «А для меня что?» – спрашивал Суворов. В постный день повар отвечал: «Уха», а в скоромный: «Щи»; вторым блюдом было жаркое. Сладкого Суворов никогда не ел, соусов также. Большой же званый обед для гостей у него был из семи блюд и никогда более. Если кто желал угостить обедом Суворова, то приглашал к себе его повара; другой стряпни он не ел. Суворов очень любил, когда у него обедали и говорили много за столом, но кто много ел, он терпеть тех не мог. Раз один приезжий иностранец обедал у него и удивил его и всех присутствующих своим аппетитом. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворов смотрел с изумлением. На дру-

гой день не мог он позабыть этого посещения и сказал: «Ну, спасибо гостю, он первый изволил отдать справедливость искусству моего повара, ел, как будто у него нет желудка. Он не подходит под указ Петра Первого об отпуске прожорам двух пайков; для него мало и четырех». Суворов неохотно тратил деньги на парадные обеды. Потемкин много раз напрашивался к нему на обед. Суворов всячески отшучивался; но, наконец, вынужден был пригласить его с многочисленной свитой. Суворов призывает к себе Матоне, метрдотеля, служившего у Потемкина, заказывает ему роскошный обед и просит его не щадить денег на яства, а для себя приказывает своему повару приготовить два постные блюда. Обед вышел роскошнейшим и удивил даже самого Потемкина, привыкшего к роскоши. По выражению Суворова, за столом «река виноградных слез несла на себе пряности обеих Индий». Но сам он, кроме двух блюд, под предлогом нездоровья, ничего не ел. На другой день, когда Матоне представил ему счет, простиравшийся за тысячу рублей, то Суворов отказался платить его и только написал на нем:

«Я ничего не ел», – и отправил его к Потемкину, который тотчас заплатив, сказал «Дорого стоит мне Суворов!»

Но возвратимся опять к утру Суворова. После чая он, все еще не одетый, сел на софу и начинал петь по нотам духовные концерты Бортнянского и Сорти; такое пение продолжалось целый час; он очень любил петь, голос у него был бас. У Суворова в московском доме, близ церкви Вознесенья, у Никитских ворот, жили даже крепостные певчие и музыканты. Он их там держал для усовершенствования в музыке и пении, и приказывал ходить учиться к другим, славившимся тогда по Москве, как, например, голицынским. В одном из своих писем к управляющему Суворов говорит: «А простое пение всегда было дурно, и больше его, кажется, испортил Бочкин, великим гласом с Кабацкого». Во время своего житья в деревне певчие эти переводились из Москвы в имение.

После пения Суворов спешил одеваться; туалет свой он совершал не более как пять минут и в конце последнего еще умывал лицо холодной водою. Вслед за тем он приказывал

вал своему камердинеру Прошке позвать своего адъютанта, полковника Данилу Давыдовича Мандрыкина, с делами.

Ранее еще семи часов Суворов отправлялся на развод и здесь каждый раз прочитывал свой катехизис, состоящий из следующих военных афоризмов: «Братцы! Смелость, храбрость, бодрость, экзерципия, победа и слава! Береги пулю на три дня. Первого коли, второго коли, а третьего с пули убей... Ученый один, а неученых десять. Нам мало трех! Давай нам шесть, давай нам десять на одного... всех побьем, повалим в полон, возьмем... Стреляй редко, да метко; штыком коля крепко. Пуля обмишуются, а штык не обмишуются, пуля дура, штык молодец».

К разводу Суворов выходил в мундире того полка, какой был тогда в карауле. После развода, если не было докладов и дел, он призывал инженерного полковника Фалькони для чтения иностранных газет. Суворов выписывал до двенадцати заграничных газет: шесть французских и шесть немецких и кроме того «Московские» и «Петербургские ведомости». Из оставшихся после Суворова расходных

книг видно, что он на газеты тратил в год около трехсот руб.

По окончании чтения газет Суворов спрашивал, подано ли кушанье. Садился он за стол в 8 часов утра, а когда у него был парадный обед, то часом позднее. Перед обедом он пил рюмку тминной сладкой водки, иногда наместо ее золотой, а когда страдал желудком, то выпивал рюмку пеннику с толченым перцем. Закусывал водку всегда редькой. Прибор за столом у него был самый простой: оловянная ложка, нож и вилка с белыми костяными черенками, на серебре он не ел, говоря: «В серебре есть яд». Суворов никогда не садился на хозяйское место, а всегда сбоку, по правую сторону стола, на самом углу. Перед обедом, идучи к столу, он читал громко «Отче наш». Кушанья не ставили на стол, а носили прямо из кухни, с огня, горячее в блюдах, обнося каждого гостя, и начиная со старших. Суворову подносили не всякое блюдо, а только то, которое он кушал; Суворов наблюдал величайшую умеренность в пище, он часто страдал расстройством желудка. Камердинер его Прошка всегда стоял позади его стула и не

допускал его съесть лишнее, прямо отымая тарелку, не убеждаясь никакими просьбами, потому что знал, что в случае нездоровья Суворова, он же будет в ответе и подвергнется строгому взысканию: «Зачем давать лишнее есть?» И если в такой момент разгневанный его барин спрашивал, по чьему приказанию он это делает, то он отвечал: «По приказанию фельдмаршала Суворова». «Ему должно повиноваться», – говорил Суворов. Часто Прошка обходился весьма дерзко со своим барином, что случалось по большей части оттого, что он был постоянно пьян, но Суворов снисходил ему потому, что он некогда спас его жизнь. Король Сардинский, Карл Эммануил, прислал Прошке две медали на зеленых лентах, с изображением на одной стороне императора Павла I, на другой – своего портрета, с латинскою надписью: «За сбережение здоровья Суворова». Прошка всегда носил их на груди...

В продолжении обеда Суворов пил немного венгерского или малагу, а в торжественные дни – шампанского. Суворов никогда не завтракал и не ужинал. Лакомств и плодов он

не любил; изредка только, вместо ужина подавали ему нарезанный ломтиками лимон и обсыпанный сахаром, да иногда ложечки три варенья которые он запивал сладким вином.

Во время походов Суворов никогда не обедал один; стол его накрывался на пятнадцать, на двадцать персон для генералов и прочих чинов, составлявших его свиту. За столом Суворов имел предрассудки: не терпел, чтоб брали соли ножом из солонки, двигали ее с места или ему подавали: каждый должен был отсыпать себе на скатерть соли, сколько ему угодно, и тому подобное...

После стола всегда крестился три раза; вообще он молился очень усердно и всегда с земными поклонами, утром и вечером, по четверти часа и более. Во время Великого поста в его комнатах всякий день отправлялась Божественная служба, а когда говел он, всю неделю пил один чай, без хлеба. Во время Божественной службы у себя дома, как и в деревне, он всегда служил дьячком, зная церковную службу лучше многих причетников. О Святой неделе, отслушав заутреню и раннюю обедню в церкви, он становился в ряду с

духовенством и христосовался со всеми, кто бы ни был в церкви. Во все это время его камердинеры стояли сзади его, с лукошками крашеных яиц, и Суворов каждому подавал яйцо, а сам ни от кого не брал. Во всю Святую неделю пасха и кулич не сходили с его стола и предлагались каждому из гостей.

В Троицын день и Семик он праздновал по старинному русскому обычаю; обедал всегда с гостями в роще под березками, украшенными разноцветными лентами, при пении певчих или песенников и при хорах музыки. После обеда сам играл в хороводах с девушками и с солдатами. В походах во время Святок, если это случалось в городах, то всегда праздновал их шумно, приглашая множество гостей, забавляя игрою в фанты и в другие игры, и особенно очень любил игру «Жив, жив курилка». На Масленице он очень любил гречневые блины и катанье с гор. А также на этой неделе давал балы, иногда раза три в неделю.

Сам он на них присутствовал до обыкновенного своего часа сна, и когда тот наступал, он потихоньку уходил от гостей в спальню,

давая гостям веселиться до утра. Именины и день своего рождения никогда не праздновал, но всегда с большим почтением праздновал торжественные царские дни: в эти дни он бывал в церкви во всех орденах и во всем параде и после обедни приглашал гостей, а иногда делал бал.

В обыкновенные дни после обеда Суворов умывался, выпивал стакан английского пива, с натертой лимонной коркой и с сахаром – этот напиток тогда ввела в употребление княгиня Дашкова – затем раздевался совсем догола и ложился в свою постель спать часа на три. Встав после сна, он одевался очень быстро. Одежда его, кроме белья состояла из канифасного платья с гульфиками; садясь на стул, он надевал наколенники и китель, белый канифасный с рукавами. Это был его домашний, комнатный наряд. И в заключение надевал на шею Аннинский или Александровский орден. Зимой ни в какой мороз не носил он мехового платья, ни даже теплых фуфаяк или перчаток, хотя бы целый день должен был стоять на морозе. Плаща и сюртука не надевал в самый большой дождь. В самые суровые

морозы под Очаковым Суворов в лагере был в одном супервесте с каской на голове, а в царские дни – в мундире и в шляпе, и всегда без перчаток. Императрица Екатерина II пожаловала ему дорогую соболью шубу польского покроя, крытую разрезным зеленым бархатом с золотыми петлицами и кистями. Но Суворов никогда не надевал ее и только из повиновения раза два надевал, когда выходил из кареты, в которой с большим уважением возил ее. Зимой Суворов любил, чтоб в комнатах его было так тепло, как в бане; дома он разгуливал без всякого платья по комнатам. В Варшаве и в Херсоне его квартиры были всегда с садом, по которому он и бегал всегда в одном белье и в сапогах. Квартира его состояла по большей части из трех комнат. Первая комната была его спальня, и вместе с тем кабинет, вторая шла за столовую, гостиную и залу, а третья назначалась для его слуг. В спальне его всегда до рассвета горели две восковые свечи, а в камердинерской возле его спальни горела одна сальная, в тазу, во всю ночь.

Суворов часто спал навзничь и оттого подвергался приливам и кричал во сне; во время

таких припадков прислуга должна была будить его. Суворов очень любил мазаться помадою и прыскаться духами; особенно он любил оделаван, которым всякий день смачивал узелок своего платка. Табаку он никогда не курил, но любил нюхать очень часто рульный табак. Табакерку в будничные дни он имел золотую, а в праздники – осыпанную бриллиантами; таких у него было несколько, все подарки царственных особ; он не любил также, чтобы нюхали его табак. Исключение было только для князя Г.С. Волконского, с которым он был в большой дружбе. Он не терпел, чтобы в доме его были зеркала, и если в отведенной ему квартире оставались такие, то их закрывали простынями. «Помилуй Бог, – говорил он, – я не хочу видеть другого Суворова». Если же случалось ему увидеть незакрытое зеркало, то тотчас отвернется и во всю прыть проскачет мимо, чтобы не увидеть себя. Однажды только в Херсоне по усиленной просьбе дам позволил он поставить в дальней, задней комнате маленькое зеркало, которое он прозвал «для дам, кокеток», и сам в ту комнату не входил. Да и дамы после тако-

го его отзыва не решались туда идти. Во время пребывания Суворова в Таврическом дворце по приказу императрицы самое точное внимание было оказываемо к причудам фельдмаршала, уже не говоря о том, что все зеркала были завешены и дорогая мебель вынесена; но и комнаты были приспособлены так, как у него в доме. Так, для спальни назначили комнату, где есть камин; для кабинета же особой комнаты не дали. В спальне фельдмаршала, посредине, к стене настлали сена, которое покрыли простыней и одеялом; в головы положили две большие подушки, что составляло всегдашнюю его постель. У окна поставили стол для письма, двое кресел и маленький столик, на котором его повар Матька разливал чай. Кушанья для Суворова под надзором последнего приготавливали в пяти горшочках. В скоромные дни были: вареная с разными пряными веществами говядина, под названием духовой, щи из свежей или кислой капусты; иногда калмыцкая похлебка – башбармак, пельмени, каша из разных круп и жаркое из дичи или телятины. В постные дни: белые грибы, различно пригото-

ленные, пироги с грибами, иногда жидовская щука; готовилась она так: снимут с щуки кожу, не отрезывая головы, и, очистив мясо от костей, растирают его с разными пряностями; фаршируют им щучью кожу и, сварив, подают с хреном... Суворов любил и просто разварную щуку, под названием щуки с голубым пером.

Суворов не менее зеркал не терпел и своих портретов. Кажется, курфюрст Саксонский первый упросил его списать с него портрет для Дрезденской галереи. Он прислал к нему известного живописца Миллера. Суворов очаровал его своими разговорами.

– Ваша кисть, – сказал он ему, – изобразит черты лица моего: они видимы, но внутренний человек во мне скрыт. Я должен сказать вам, что я лил кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближнего; в жизнь мою никого не сделал я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моею рукою ни одного насекомого, бывал мал, бывал велик!

При этих словах он вскочил на стул, спрыгнул со стула и прибавил:

– В приливе и отливе счастья, уповая на Бога бывал я неподвижен так, как теперь. – Он сел на стул. – Вдохновитесь гением и начинайте, – сказал он Миллеру.

– Твой гений вдохновил меня! – воскликнул Миллер. Суворов при себе не носил никогда ни часов, ни денег, также и в доме его никогда не было часов; он говорил, что солдату они не нужны и что солдату и без часов должно знать время. Когда надо же было идти в поход, никогда в приказах своих не назначал часа, но всегда приказывал быть готовыми с первыми петухами; для этого он выучился петь петухом и когда время наставало, выходил и выкрикивал: «Кукареку». Голос его немедленно раздавался, и войска выступали в поход. Также не держал при себе Суворов никаких животных, но, увидев на дворе собаку или кошку, любил их приласкать; собаке кричал «гам, гам», а кошке «мяу, мяу», подражая их голосу.

Живя в деревне с Покрова или в Великом посту, в одной из своих комнат устраивал род садка; пол горницы приказывал устилать песком, наставить там елок и сосен, поставить

ящички с кормом и напустить туда скворцов и всякой мелкой птицы. Так, до Святой недели там и жили птицы у него, как в саду. А в Великий праздник, когда станет потеплее, велел их выпустить на волю. «Они, – скажет, – промахнулись, рано прилетели, и на снегу им было взять нечего... Вот теперь до тепла, пускай у меня поживут на елках».

В Новгородском своем имении Суворов в домашней жизни был еще неприхотливее: точно так же рано вставал, ходил в церковь, по праздникам звонил в колокола, играл с ребяташками в бабки; на Масляной неделе строил ледяную гору; на Святой – качели, катаясь но льду на коньках, любил угощать всех вином, но никогда не пил и не любил пьяных; даже зимой приказывал обливаться водой у колодца таких крестьян, которые шибко пьянствовали. Простота его в жизни доходила до того, что он вместо лодки переправлялся на реке в чану, утвердив канат с берега на берег. Суворов говорил: что военному надо уметь на всем переплывать реки – и на бревне, и на доске.

Суворов ежедневно ходил до десяти и бо-

лее верст, когда уставал, то бросался на траву и, валяясь несколько минут на траве, держал ноги кверху, приговаривая: это хорошо, чтоб кровь стекла!» То же приказывал делать и солдатам. Докторов, как мы выше уже говорили, он сильно недолюбливал, и когда его подчиненные просились в больницу, то он говорил им: «В богадельню эту не ходите. Первый день будет тебе постель мягкая и кушанье хорошее, а на третий день тут и гроб! Доктора тебя уморят. А лучше, если нездоров, выпей чарочку винца с перчиком, побегай, попрыгай, поваляйся и здоров будешь».

Когда Суворов захворал смертельно, и когда сыпь и пузыри покрыли все его тело, то он слег в постель и велел отыскать аптеку блаженной памяти Екатерины: «Она мне надобна только на память», – говорил Суворов, не любивший лекарств.

Простота и воздержанность Суворова сроднила его с недугами и научила их переносить легко и без ропота, суровая жизнь закалила тело его от невзгод и была хорошей боевой школой. Школа Суворова хоронилась под его причудами, только не сразу до смысла при-

чуд можно было добратся. Граф Сегюр говорил в своих записках, «что Суворов прикрывал блестящие достоинства странностями, желая избавить себя от преследования сильных завистников». Потемкин сказал о нем: «Суворова никто не „пересуворит“». Екатерина, желая вывести Потемкина из ошибочного его мнения об уме Суворова, посоветовала ему подслушать их разговор в соседней комнате. Удивленный глубокомыслием и умом Суворова, Потемкин как-то упрекнул его за то, что он с ним не говорил так: «С царями у меня другой язык», – отвечал Суворов. Однажды, разговаривая о самом себе, он сказал окружавшим его «Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись; я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом и Лафонтеном, шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре и благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов отечества; если бы я был ке-

сарь, то старался бы иметь всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков».

Примечания

Поставленным в 1801 году по модели ваятеля Козловского. Сперва на Марсовом поле, потом был отнесен к берегу Невы, по приказанию императора Александра I.

[^^^]